О тактике анархистов из Либеральной Партии

Письма к Пракседису Г. Герреро и Энрике Флоресу Магону

Рикардо Флорес Магон

13, 15, 18 июня 1908

Оглавление

I. 13 июня 1908 3
II. 15 июня 1908 6
III. 17 июня 1908 7

I. 13 июня 1908

Это письмо я пишу сегодня, тринадцатого июня тысяча девятьсот восьмого года, дорогие братья Пракседис и Энрике, чтобы сообщить вам дело, которое, на мой взгляд, имеет капитальное значение. Идею, которую я сейчас изложу вам, я уже высказал нашему товарищу Либрадо, и он с ней согласен. Перейдём к сути.

Вы знаете так же хорошо, как и я, что ни одна революция не достигает после победы того, чтобы восторжествовали и стали практическими идеалы, которые её воодушевляли, и это происходит потому, что полагаются на то, что новое правительство сделает то, что должен был сделать народ во время революции.

Так всегда и происходило. Повсюду поднимается знамя с более или менее важными реформами; вокруг него группируются скромные люди; идёт борьба; проливается более или менее обильно кровь, и, если революция побеждает, собирается Конгресс, которому поручено облечь в законы идеалы, заставившие народ взяться за оружие и сражаться. В Конгресс идут люди всевозможных идеалов: одни передовые, другие отсталые, третьи умеренные, и в борьбе всех этих тенденций чаяния революции увядают, искажаются, и после долгих месяцев, а то и долгих лет, начинают приниматься законы, в которых даже не угадываются идеалы, за которые пролил свою кровь несчастный народ. Но допустим, произошло чудо и были приняты законы, в которых во всей своей чистоте сияют идеалы революции, – вещь, которой, конечно, никогда не бывало, потому что очень немногие депутаты имеют те же идеалы, что и народ, взявшийся за оружие; допустим, чудо совершилось и что в особом случае нашей борьбы Конгресс предпишет раздел земель, восьмичасовой рабочий день и зарплату не ниже одного песо. Можем ли мы ожидать, что землевладельцы сложат руки и позволят ускользнуть тому, что делает их могущественными и позволяет им жить в праздности? Разве владельцы всевозможных предприятий, где используются наёмные руки, не закроют свои предприятия или, по крайней мере, не сократят число нанимаемых рабочих, чтобы заставить правительство отменить закон под угрозой всеобщего голода, делая вид, что им материально невозможно платить больше за меньшее количество часов работы?

Когда ресурсы для революции иссякнут, народ окажется в положении более тяжёлом, чем то, из-за которого он был вынужден восстать. Народ, без хлеба, прислушается к речам буржуазии, которая скажет, что его обманули, и возглавит его, чтобы свергнуть новое правительство, – и тем спасутся одни от потери своих земель, а другие – от уступок рабочим.

Богатые восстанут, когда речь пойдёт о том, чтобы осуществить на практике программу либеральной партии, – в случае если чудом, истинным и единственным в истории революций народов, идеалы революции после её победы сохранились бы нетронутыми.

Как анархисты мы хорошо всё это знаем. Мы хорошо знаем, чего следует ожидать от наилучшего правительства, какое только может тяготеть над каким-либо народом, и, как анархисты, мы должны сделать всё, что в наших силах, чтобы революция, которая вот-вот разразится, дала народу все блага, какие возможно завоевать.

Чтобы достичь великих благ для народа, благ действительных, нужно действовать как анархисты, которых легко раздавить даже тем, кто считает нас вождями. Всё

сводится к простому вопросу тактики. Если бы с самого начала мы называли себя *анархистами*, никто, кроме немногих, не стал бы нас слушать. Не называя себя *анархистами*, мы постепенно зажигаем в умах идеи ненависти против имущего класса и против правительственной касты. Ни одна либеральная партия в мире не имеет антикапиталистических стремлений той партии, что вот-вот совершит революцию в Мексике, и этого мы добились, не говоря о том, что мы анархисты, мы не добились бы этого, даже если бы называли себя не *анархистами*, какими являемся, а просто социалистами. Так что всё – вопрос тактики.

Мы должны дать землю народу в ходе революции; таким образом бедных не обманут потом. Нет ни одного правительства, которое могло бы принести пользу народу против интересов буржуазии. Это вы хорошо знаете как анархисты и потому не нуждаетесь в том, чтобы я доказывал это рассуждениями или примерами. Мы должны также передать народу во владение фабрики, рудники и так далее. Чтобы не настроить против себя всю нацию, мы должны следовать той же тактике, которую испытали с таким успехом: мы продолжаем называть себя либералами в ходе революции, но в действительности будем распространять анархию и совершать анархические акты. Мы будем отбирать у буржуа и возвращать народу. Вот средство, которое приходит мне в голову и которое я представляю вашему вниманию: в силу революции фабрики, асьенды, рудники, мастерские и так далее закроют свои двери – не потому, что трудящиеся возьмутся за оружие, ибо не все возьмутся, а по другим причинам, среди которых можно назвать паралич или ослабление торговых сделок из-за небезопасности для интересов в те времена, когда уважение к власти ослаблено, и приказ во всех местах, контролируемых революцией, платить рабочим не меньше одного песо за установленный восьмичасовой рабочий день. Следствием такого поведения буржуазии будет голод, потому что, когда запасы иссякнут, производство не будет возобновлено.

Мы не должны ждать, пока наступит голод, поэтому, как только асьенда остановит работы, фабрика закроет двери, рудник перестанет добывать металл и так далее, мы сошлёмся на общественную необходимость того, чтобы работа не прекращалась, каким бы ни был предлог хозяев для её приостановки, и, исходя из того, что необходимо возобновить работы, чтобы предотвратить крайнюю нищету, мы передадим трудящимся предприятия, закрытые буржуа, чтобы они продолжали их использовать на началах равенства.

Чтобы предотвратить попытки трудящихся, получивших такие блага, самим стать буржуа, будет предписано, что всякий, кто войдёт работать на эти предприятия, будет иметь право на равную с остальными долю. Сами трудящиеся будут управлять этими предприятиями.

Если речь идёт об асьендах, было бы несправедливо отдать всю землю трудящимся этих асьенд, потому что тогда многие остались бы ни с чем. Трудящимся асьенд было бы отдано то, что они в настоящее время на них обрабатывают, а остальное было бы сохранено для других бедных. Поскольку трудящиеся асьенд будут продолжать их обрабатывать согласно этому плану, те, кто захочет земли из числа не используемых сейчас, увидев преимущества совместного труда, практикуемого освобождёнными пеонами, вместо того чтобы обрабатывать землю индивидуально, тоже захотят работать сообща, и таким образом не будет нужды дробить землю на участки, и Хунте

не придётся выполнять ненавистную работу – выдавать каждому, кто попросит, кусок земли.

Хотя предприятия останутся в руках рабочих, будет запрещена их продажа (отчуждение), как предписано в программе для земель. Таким образом работа возобновится посреди революции и будет сделано анархистское дело под предлогом необходимости того, чтобы производство не прекращалось, дабы избежать голода масс.

Надо иметь в виду, что, поскольку у трудящихся нет монеты, чтобы платить себе дневное жалованье, на которое можно купить необходимое для жизни, необходимо, чтобы они сами учредили статистическую комиссию, которая будет вести учёт ресурсов, которыми располагает каждый регион, контролируемый революцией, а также потребностей трудящихся жителей этих регионов.

Имея такой учёт, рабочие будут обмениваться друг с другом своими продуктами, и будет такой избыток производства, что они смогут легко, без жертв, содержать солдат революции.

Кроме того, трудящимся посоветуют вооружиться самим, чтобы защитить завоёванное революцией от ударов солдат тирании и от возможного нападения на нас гринго или некоторых других стран[1].

Поначалу мы не будем трогать иностранных буржуа, а лишь когда почти у всех из народа будет что-то материальное, что защищать, и что-то, чтобы заставить себя уважать. Когда у париев будет что защищать, мы увидим, что не найдётся ни одного, кто не возьмёт в руки ружьё.

Возникнут новые проблемы, но я не думаю, что их будет трудно решить, поскольку сами трудящиеся заинтересованы в деле. Кроме того, приедет много испанских и итальянских анархистов, увидев, что происходит, и они очень хорошо помогут. Мне кажется, было бы очень хорошо, если бы один из нас отправился в поездку во время революции, чтобы воодушевить тех товарищей оказать нам хорошую помощь, приехав агитировать массы и руководить ими во всём, что потребуется. Я думаю, приехало бы очень много, и им можно было бы даже оплатить поездку, затем по всей стране разлетелось бы целое облако товарищей[2].

Действуя так, как я предлагаю, если и не победим, то по крайней мере останется великий урок.

Я уже устал. Пишу в таком неудобном положении, что у меня болит грудь, а я, между прочим, уже очень болен. Не перестаю кашлять, болит спина, и я чувствую себя плохо, очень плохо. Держит меня то, что я не падаю духом. Холод, который постоянно стоит в этой тюрьме, ухудшает моё состояние. Я весил двести восемнадцать фунтов, а сегодня вешу только сто шестьдесят восемь. Тюрьма железная; никогда не получает луча солнца; холодный ветер дует днём и ночью, и, будучи всегда слабым по части лёгких, я чувствую, что не переживу ещё одной зимы в этой тюрьме, где нет печей для заключённых. У меня сильный катар, который не проходит с тех пор, как нас посадили в тюрьму. Он стихает на два-три дня, но чтобы атаковать затем с большей

[1] От Соединённых Штатов Рикардо ожидал агрессии.

[2] Рикардо рассчитывал на поддержку европейских анархистов. В действительности, смогли заметно помочь только анархисты и социалисты из США.

силой. В этот момент у меня жар. Удача в том, что я не падаю духом и так сам себе придаю силы. Но вернёмся к делу, которое вызвало это письмо.

Я считаю необходимым, чтобы приехало много анархистов, чтобы просветить народ. Кроме того, хорошо бы переиздать анархистские брошюры и книги, чтобы их распространяли миллионами.

Этим делом могут заняться доверенные друзья.

Мы не должны посылать представителей к иностранным правительствам, потому что тогда мы войдём в море обязательств, которые лишат революцию её особого характера. Мы должны поддерживать международные отношения, но не с правительствами, а с рабочими организациями всего мира, будь то просто *тред-юнионистские*, социалистические или анархистские.

Больше ничего не приходит мне в голову пока. Либрадо сердечно вас приветствует. Примите крепкое объятие от вашего брата Рикардо, который вас очень любит.

II. 15 июня 1908

Продолжаю говорить о том же сегодня, пятнадцатого июня, дорогие братья.

Будут очень изворотливые буржуа, которые, увидев, что происходит с их товарищами, не закроют свои предприятия, и тогда не будет непосредственного предлога отобрать у них собственность. В этом случае, который, возможно, будет самым частым, среди рабочих этих предприятий будет вестись агитация, чтобы они требовали *невозможного*, так что хозяева будут вынуждены закрыть предприятия. Тогда рабочие вступят во владение предприятием.

Я знаю, что при выборе двух путей, какого лучше держаться для экспроприаций, – Хунта может их декретировать, или же рабочие могут их совершить, и в этом случае, который мне кажется лучшим, потому что он очень хорошо маскирует анархистский характер Хунты, – нам остаётся лишь утверждать свершившиеся факты. Чтобы следовать этой последней тактике, необходимо провести большую агитацию среди рабочих, распространять среди них брошюры, книги, направлять к ним анархистских агитаторов. Всё это можно сделать очень хорошо (я имею в виду агитацию), и я считаю, что то, что будет сделано самими рабочими, будет прочнее того, что будет сделано декретами Хунты. Вопрос в том, чтобы, как только революция начнётся и оформится, привлечь большое число товарищей из Европы, чтобы способствовать в Мексике публикации множества анархистских газет. Поскольку у нас будут деньги, всё это можно будет легко сделать. Только анархисты будут знать, что мы анархисты, и мы посоветуем им не называть нас анархистами, чтобы не пугать стольких недоумков, которые в глубине сознания питают идеалы, подобные нашим, но не знают, что это анархистские идеалы, ибо привыкли слышать об анархистах в неблагоприятных выражениях. Они не столько глупцы, сколько невежественны. Не надо относится к людям несправедливо.

То, что будет сделано самими рабочими, должно быть прочнее, поскольку будет результатом сознательного усилия. Итак, я считаю, что это будет лучшая тактика: агитировать рабочих, побуждая их к экспроприации. Хунте перед лицом свершившихся

фактов придётся их утвердить. Так мы продолжим *морочить головы* либерализмом в пользу наших прекрасных идеалов.

Мне кажется, больше нечего добавить.

Если у Либрадо или у меня сегодня будет чрезвычайный визит, возможно, мы сможем отправить это письмо и моё предыдущее в приложении.

III. 17 июня 1908

Сегодня семнадцатое июня, и я обращаюсь, дорогой братишка, к твоему вчерашнему письму. Мы узнали, что они выйдут в следующую субботу, и, братишка, желаем, чтобы с тобой не случилось ничего неприятного в пути. К Паулине или к Ромуло, как ты указываешь, я обращусь, когда речь пойдёт или придёт сюда что-либо в секрете, с тем пониманием, что они знают шифр.

Вчера я говорил с товарищем Гайтаном, который отправляется в Эль-Пасо с *Голиафом*, чтобы вступить в борьбу. Товарищка Гайтан завтра уезжает в Эль-Пасо, и мы договорились, что она повезёт тебе как багаж тюк с манифестами. Возможность блестящая. Если ты уже отправил Улибарри все бланки, дело будет готово. Немедленно вели сообщить Гайтану, Улибарри или Лойе адрес, по которому должен идти тюк с манифестами, чтобы не было заминки. Запиши адрес Присцилиано и указание, Паулите ли я должен через превосходного Сальвадора посылать то, что у меня есть для вас, чтобы она дала ход.

Вы с большим успехом сможете решить насчёт того, что предлагает формирование первой западной зоны, но мне кажется, что для образования зоны слишком мало гор. Великолепна новость о присоединении эскадрона Сарагоса к Диасу Герра.

Самокрутки толще тех, что делаются из папиросной бумаги *wheat straw*, не поместятся. На этой бумаге ты мне и пиши: говорю это потому, что Сальвадор не может дать мне письмо, которое ты разорвал на четыре части. Может быть, в нём говорится о Диасе Кинтасе. Уже не время идти его смотреть, так что не срочно.

Я тоже за то, чтобы публиковать «Revolución», название в конце концов – дело второстепенное, но из очень естественного романтизма мне больше хотелось бы, чтобы газета называлась «Regeneración».

Больше нечего сказать, дорогой братишка, кроме того, что я в отчаянии, потому что тоже хотел бы быть ближе к месту ближайших желанных событий.

Я думаю, что теперь-то уж старик[3] не сможет подавить революцию и что наконец народ свершит правосудие.

Дай Бог, чтобы кровь, которая прольётся, плодоносила благами для пролетариата, и я думаю, что так и будет, если мы поставим себе целью – лучше, чем получить лёгкий триумф, заключив союз с буржуазией, – получить истинные свободы для народа, освободив его экономически, шаг за шагом или прыжок за прыжком, как получится в ходе грандиозной революции, на пороге которой мы находимся.

Я мечтаю о великих, действительных завоеваниях во время революции. Мы не должны колебаться. Вполне возможно, что наша революция нарушит европейское

[3] Имеется ввиду президент-диктатор Мексики Порфирио Диас. Он действительно не смог подавить Революцию 1911 года.

равновесие, и тамошние пролетарии решатся сделать то же, что и мы. Может быть, если мы осуществим то, что я предлагаю, на нас обрушатся державы Европы, но это будет последним актом правительственного фарса, потому что я уверен, что наши братья по ту сторону моря не дадут нам погибнуть.

Если нам удастся добиться успеха во время революции, то есть если нам удастся отбирать и возвращать, неважно, что наше движение затянется на годы.

Мы должны стремиться к тому, чтобы подавляющее большинство революционных вождей и офицеров были более или менее людьми нашего образа мыслей, и с этой целью – Гайтан, как Паломарес, как и другие, например Лойя, – чтобы сила была на нашей стороне, потому что есть много, очень много тех, кто думает только о собственном возвышении. Держа командование[4] в своих руках, либертарии совершат великое дело.

Начальниками зон, где сейчас нет групп, мы должны назначать либертариев.

Требуется феноменальная либертарная пропаганда. Постараемся позаботиться о том, чтобы анархистские газеты прислали брошюры, чтобы переиздать их в Мексике на деньги, вырванные у буржуа. Всю эту работу могут выполнить доверенные друзья, чтобы Хунта внешне продолжала сохранять вид *независимой* организации.

Следуя тактике, которую я предлагаю вам в прилагаемом письме, у нас больше не будет лучшей возможности работать ради идеала, чем посреди революции.

Уже прощаюсь.

Передай крепктн объятия всем, а тебе, братишка, мою великую братскую любовь. Либрадо тоже вас приветствует. Привет всем.

Рикардо Флорес Магон

[4] То есть, если вожди, руководители и прочие важные и ответственные лица революции будут анархистами.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Рикардо Флорес Магон
О тактике анархистов из Либеральной Партии
Письма к Пракседису Г. Герреро и Энрике Флоресу Магону
13, 15, 18 июня 1908

https://es.anarchistlibraries.net/library/praxedis-guerrero-articulos-de-combate#toc14

ru.anarchistlibraries.net